

АНДРЕЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ КУНИЛЬСКИЙ

доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы и журналистики, декан филологического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
aek31@mail.ru

ИСТОЧНИКИ ВИТАЛИЗМА В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Анализируются значение и основные источники литературного феномена, условно обозначенного как витализм и подразумевающего особую роль темы жизни в произведениях отечественных писателей. В указанном аспекте рассматриваются связи русской словесности начала XIX века с немецкой культурой и библейской традицией.

Ключевые слова: русская литература первой половины XIX века, тема жизни, витализм, «живая жизнь»

Слово «витализм» употребляется здесь применительно к художественной литературе в метафорическом смысле, подобно тому, как в свое время стали активно использоваться в литературоведении термины «реализм» из схоластики или «полифонизм» из музыковедения. Витализм (от *vita* – жизнь) – это направление в натурфилософии, естествознании, которое имело длительную историю и, как считается, было преодолено наукой в XIX веке [3]. Суть витализма – в признании жизни самостоятельным, не зависящим от материи началом¹. Источник такого представления древний. Так, в Библии рассказывается о том, что Бог сделал первого человека из земли, но для того, чтобы человек начал существовать, потребовалось, чтобы Бог приобщил его к этому особому началу – жизни: «И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лице его дыхание жизни, и стал человек душою живою» (Быт. 2:7). И в волшебной сказке тело убитого героя срastaется (материально восстанавливается) от мертвой воды, но оживает он только после того, как обрызгают его водой живой. Деревья, которые создал Господь Бог, отличаются друг от друга – большинство из них дают человеку материальную пищу, но только одно – самое жизнь: «И произрастил Господь Бог из земли всякое дерево, приятное на вид и хорошее для пищи, и дерево жизни посреди рая, и дерево познания добра и зла» (Быт. 2:9). Дерево познания добра и зла было запретным для человека (Быт. 2:17), но и путь к дереву жизни был закрыт для него после грехопадения (Быт. 3:24). Питание от дерева жизни давало возможность жить вечно (Быт. 3:22). Человек утратил эту возможность, но сохранил право на жизнь временную, получаемую через женщину, само имя которой – жизнь: «И нарек Адам имя жене своей: Ева* [*Жизнь], ибо она стала матерью всех живущих» (Быт. 3:20; в церковно-славянском тексте: «И нарече Адам имя жене своей жизнь, яко та мати всех живущих»).

Еве как воплощению физической временной жизни в священной истории противостоит Иисус Христос как жизнь вечная, духовная: «Я есмь путь и истина и жизнь» (Ин. 14:6), свидетельствует о Себе Господь. Не случайно в христианской богословской традиции Он связывался с древом жизни², а Дева Мария, носившая Его в себе, именовалась «сокровище живота неистощимое» (Акафист Богородице, ч. 4, икос 12), то есть неистощимая (вечная) сокровищница жизни.

То, что русское слово «живот», называющее определенную часть тела, совпадает с церковно-славянским обозначением жизни, нельзя не признать исполненным глубокого смысла. Дореволюционные отечественные словари, ссылаясь на «учение старинной физиологии» и Парацельса, дают объяснение забытого в наше время слова «архей» (греч. *arche* – начало, первоначало, власть, господство): это «начало жизни, распоряжающееся всеми отправлениями человеческого тела»³, которое «помещается в желудке»⁴. Древние представления об архее как особом жизненном начале, отличном от души, в XIX веке еще сохранялись у масонов, о чем свидетельствует соответствующий роман Писемского. Здесь герой, желающий посвятить свою возлюбленную «в таинства герметической философии», объясняет ей разницу между душой и археем: «В человеке, кроме души, – объяснил он, – существует еще агент, называемый “Архей” – сила жизни, и вот вы этой жизненной силой и продолжаете жить, пока к вам не возвратится душа...»⁵. Архей – это некий прообраз, внутренняя форма, матрица, определяющие процесс создания каждого отдельно взятого человеческого организма и его последующее функционирование: «Архей – это “кузнец” (*faber*), который несет в себе представление о создаваемом существе и по этому образу располагает и регулирует процесс созидания» [3: 32].

На творческую функцию живота (и вообще телесного низа) указывал В. В. Розанов.

Признавая, что «в розановской религиозно-философской концепции бытия существенную роль играют виталистические мотивы», В. А. Фатеев далее отмечает, что Розанов «не отказывается и от защиты “животного” начала как основы Древа Жизни, оказывающего благотворное оздоровляющее воздействие и на духовный мир. Он связывает идею жизни с полом, с рождением, с “животом”»⁶. Здесь Розанов не только разрушал определенную традицию – рационалистическую, просветительскую, но и подключался к другой традиции – виталистской – со свойственным ей представлением об особом – нематериальном – характере жизненных процессов. В свое время основоположник физиологии и эмбриологии Гарвей (1578–1657) обратил внимание на то, что в латинском языке зачатие и возникновение целостного идейного образования обозначаются одним словом – *conscriptio*: «Это совпадение, на его взгляд, вполне правильно передает общность обоих процессов: “и то и другое не материального характера”, замечает он и ставит матку в известную параллель с мозгом» [3: 33].

Таким образом, лежащие в основе витализма идеи имеют долгую историю. Сокровенный, темный, таинственный, сакральный характер жизни с давних времен привлекал внимание мистиков и разного рода носителей эзотерического знания. Но, наверное, мы не ошибемся, если скажем, что особой темой в философии и литературе «жизнь» становится на рубеже XVIII и XIX веков. По крайней мере, так принято думать. В 20-е годы XX века, в эпоху необыкновенной распространенности «философии жизни», когда назрела необходимость осмысления ее истоков и истории, очень авторитетный тогда Генрих Риккерт естественно называл Ницше главным представителем «философии жизни» и одновременно «связующим звеном между старым и новым течением в учении о жизни». Из предшественников Ницше Риккерт упоминает Гете, немецких романтиков, Шопенгауэра «и в некотором отношении также» Рихарда Вагнера. Риккерт считает, что «это дает уже достаточную историческую перспективу» и «незачем идти в даль времен» [5: 24]. Последнее замечание вызывает некоторое недоумение, но, очевидно, Риккерт понимал, насколько эта даль времен глубока.

Исследователь творчества Достоевского В. Комарович, указывая на интерес писателя к теме «живой жизни», считал, что к Достоевскому это понятие пришло из сочинений старших славянофилов, которые, в свою очередь, позаимствовали его из шеллингианской философии, а также склонны были отождествлять его с кантовской «вещью в себе» («истинно сущей, независимо от субъективных форм логического познания») [4: 33]. То есть и русский ученый, так же как и Г. Риккерт, считал, что актуализация темы «жизни» в мировой культуре связана именно с немецкой философией XVIII–XIX веков. Но, как мы понимаем, германские мыслители и лите-

раторы не были изобретателями этого, как сейчас принято говорить, концепта, а лишь «оживили» его, выведя из тени эзотерики в сферу общедоступной идеологии.

Пушкин, в отличие от славянофилов, никогда не был поклонником немецкой философии (хотя и мог испытывать ее опосредствованное влияние через своего лицейского преподавателя шеллингианца Галича⁷). Но и в его лексиконе «жизнь» и однокоренные слова занимают большое место: Словарь его языка свидетельствует, что слово «жизнь» встречается в текстах Пушкина 603 раза, «живой» – 307⁸. Как указано в словарной статье, основные значения слова «жизнь» у Пушкина следующие: это существование человека – земное и загробное, «совокупность всего пережитого, переживаемого или сделанного человеком», его биография; «развитие чего-нибудь, деятельность во всей совокупности ее проявлений (общества, государства); жизненный уклад, способ существования, времяпрепровождение; окружающий мир, реальная действительность во всей совокупности ее проявлений». Для нас наиболее интересны две последние группы значений: «жизненная сила, энергия, внутреннее воодушевление» («В порочном сердце жизни нет...» – «Прелестнице», 1818; «В чертах у Ольги жизни нет» – «Евгений Онегин», гл. 3, LVIII) и «самое дорогое, ценное для кого-нибудь» («Ты понял жизни цель: счастливый человек, Для жизни ты живешь» – «К вельможе», 1830).

Признание жизни нравственно-эстетической ценностью (что будет более характерно для умонастроения уже послепушкинского периода) сопровождается у поэта критическим к ней отношением. В его раннем творчестве юношеское жизнелюбие сменялось байроническим жизнелюбием. Именно «жизнеотрицающей печалью» был наделен самый знаменитый герой Байрона – Чайльд-Гарольд («Паломничество Чайльд-Гарольда», песнь первая), а другой – Манфред – жаловался на то, что

Жизнь нас гнетет, как иго, как ярмо,
Как бремя ненавистное, и сердце
Под тяжестью его изнемогает⁹.

Собственно, в таком отношении к жизни не было ничего нового. Оно проявляется в мировой культуре от Екклесиаста («И возненавидел я жизнь: <...> ибо все – суета и томление духа!» (Ек 2:17)) до Шекспира. Как заметил Ю. Н. Говоруха-Отрок, «кто хотя раз не испытывал тяжести того “бремени жизни”, той усталости жить, какую испытывает принц Гамлет?» («Мне жизнь моя ничтожнее булавки...»)¹⁰. При этом критик относит Пушкина вместе с Шекспиром, Байроном и Шопенгауэром к представителям «пессимистического воззрения»: «Оно увидело в зле как бы закон жизни»¹¹.

Для такого заключения творчество Пушкина дает основания. Жизнь – «уродливый кумир» («Надеждой сладостной младенчески дыша...»,

1823), «дар напрасный, дар случайный», «томит меня тоскою однозвучный жизни шум» («Дар напрасный, дар случайный...», 1828), «жизни мышья беготня...» («Стихи, сочиненные ночью во время бессонницы», 1830), «жизнь ничто, как сон пустой, насмешка неба над землей?» («Медный всадник», 1833). Любимая героиня Пушкина Татьяна о своем настоящем говорит: «Постылой жизни мишура» («Евгений Онегин», гл. 8, XLVI), а сам автор признается, что ему невыносимо «глядеть на жизнь, как на обряд» (гл. 8, XI), жалеет об окончании труда, который давал «забвенье жизни» (гл. 8, I), и называет блаженными тех, кто оставил роман жизни недочитанным, то есть рано покинул «праздник жизни» (гл. 8, LI). Как отметила А. Д. Григорьева, этот образ – «праздник жизни» – больше никогда не появится у Пушкина¹². В то же время в жизни для зрелого Пушкина открывается новый смысл: «Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать» («Элегия», 1830). В целом можно сказать, что трезвость Пушкина, многосторонность его мировосприятия обусловили не только отсутствие в его творчестве тотального жизнеотрицания, но и предохраняли его от того культа жизни, который возникнет в русской литературе в дальнейшем.

Сложность, взвешенность пушкинского отношения к жизни сопоставима с позицией Карамзина. В одном из его стихотворений («Берег») недвусмысленно выражено христианское воззрение на жизнь как на нечто непостоянное и опасное:

Жизнь! ты море и волненье!
Смерть! ты пристань и покой!¹³

У романтиков использованная Карамзиным оппозиция приняла несколько иной вид – в зависимости от их общественной ориентации, но во всех случаях море как символ жизни реабилитируется: у молодого Пушкина оно противопоставляется берегу как воплощение свободы («Погасло дневное светило...», 1820), а у Жуковского оно земля (берег), но именно море является отражением высшего небесного начала («Море», 1822).

В предисловии к «Истории государства Российского» Карамзин говорит о поисках «духа и жизни в тлеющих хартиях»¹⁴. Очень характерна та контаминация, которую претерпевает эта пара «дух и жизнь» у Хомякова: он призывает в истории искать не дух и жизнь по отдельности, а именно дух жизни. Обращаясь к своей стране («России», 1839), вождь славянофилов восклицает:

О, вспомни свой удел высокой!
Былое в сердце воскреси
И в нем сокрытого глубоко
Ты духа жизни допроси! (Курсив мой. – А. К.)¹⁵

В этом наглядно проявляется разница между умонастроениями 20-х и 30-х годов.

Как уже говорилось, в актуализации темы жизни в мировой культуре ведущую роль сыграли немцы – прежде всего Гете, Шеллинг и романтики. В лирике Гете образ жизни появляется очень часто и наделен особой значимо-

стью. В стихотворении «Бравому Хроносу» (1774) лирический герой, обращаясь к богу времени, призывает мчать его «прямо в кипящую жизнь». Герою знакомо и предвкушение «вечной жизни», которая существует «над вершинами гор», но его путь направлен в другую сторону:

Пьяный последним лучом,
Ослепленный, ликующий,
С огненным морем в очах,
Да низвергнусь в ночь преисподней!¹⁶

Акцентирование значения жизни, заступающей место Бога, очевидно, связано у Гете с особенностями его мировоззрения, в котором пантеизм явно превалировал над христианскими ценностями:

Был я всегда терпелив ко многим вещам неприятным,
Тяготы твердо сносил, верный завету богов.
Только четыре предмета мне гаже змеи ядовитой:
Дым табачный, клопы, запах чесночный и † (с. 209).

«Жизнь» становится творцом человека:

Если по правде сказать, вот как думаю я: человека
Лепит жизнь, а слова не так-то много и значат (с. 234).

Влюбленность в жизнь совершенно естественно (от любви до ненависти один шаг) соседствует у Гете с обвинениями в ее адрес. В «Западно-восточном диване» проявляется и то и другое:

Радость жизни полной мерой
С жизнелюбом пить мы будем (с. 329).

В стихотворении «Жизнь во всем», которое входит в указанный сборник:

И проснется жизнь, и в недрах
Вспыхнет жидущая сила,
Чтобы все цвело и пахло,
Что Земля в себе носила (с. 331).

А вот и разочарование в предмете былой любви:

Жизнь – шутка, скверная притом.
Тем – ничего, тем – полный дом (с. 352).

Старая потаскуха
По прозвищу «Жизнь»
И меня, как других,
Обманула.
Веру мою отняла
И надежду взяла,
А потом за любовь принялась,
Но вырвался я
От распутной (с. 397).

Эта любовь-ненависть к жизни позднее перекочевала в русскую литературу (что замечательно сформулировал Блок в поэме «Возмездие», подводя итоги века девятнадцатого: «И отвращение от жизни, и к ней безумная любовь») и проявлялась в стихах поэтов, переводивших Гете и, таким образом, испытавших его влияние. «Жизнь – шутка» отзовется у Лермонтова в стихотворении «И скучно и грустно»:

А жизнь, как посмотришь с холодным
вниманьем вокруг, –
Такая пустая и глупая шутка.

На мой взгляд, здесь сказывается и влияние на Лермонтова байроновского жизнеотрицания, хотя объяснялось все, конечно же, не только влиянием. Ю. Н. Говоруха-Отрок писал о глубокой укорененности этого чувства в душе Лермонтова: «Не “господствующее зло” смущало его, как думают иные, не крепостное право, не “до-реформенные порядки”, не светская пустота, а то зло, которое он прозревал в самой основе мира и жизни; не такую только жизнь, т. е. жизнь светской пустоты, считал он “пустой и глупой шуткой”, а жизнь вообще, какою она представлялась его глубокой и благородной, но опустошенной душой»¹⁷.

При этом знакома Лермонтову и страстная увлеченность жизнью¹⁸, ощущение ее самоценности («Я жить хочу, хочу печали...», 1832). О его герое Печорине Белинский сказал: «...бешено гоняется <...> за жизнью, ища ее повсюду»¹⁹. И еще один факт, свидетельствующий о том, что Лермонтову была близка гетевская философия наслаждения жизнью, в которой есть нечто эпатажно-гедонистическое. В «восточном» стихотворении Гете «Джелал-эддин Руми говорит» содержится такое поучение: «Расцвел цветок? Скорей сорви, он вянет» (с. 355). В «Герое нашего времени», также не лишенном «восточного» колорита, Печорин пишет в своем «журнале» («Княжна Мери»): «А ведь есть необъятное наслаждение в обладании молодой, едва распустившейся души! Она как цветок, которого лучший аромат испаряется навстречу первому лучу солнца; его надо сорвать в эту минуту и, подышав им досыта, бросить на дороге: авось кто-нибудь поднимет»²⁰.

Для великого жизнелюбца Гете его роман с жизнью заканчивается примирительно и мудро-благодарно:

Там, где чисты и земля и воды,
Солнце лучше греет наши всходы,
Где построен труд умно и здраво,
Всходит жизнь, а жизни честь и слава! (С. 408).
Я так любил! Я грезил наяву!..
Тогда-то я и знал, что я живу (с. 427).
В полночный час мечтанья, в звездном строе,
Плывут туда, где спит ее душа.
О, если б там и мне уснуть в покое!
Что б ни было, жизнь все же хороша (с. 449).

Гетевское отношение к жизни находит самый сочувственный и широкий отклик у немецких

романтиков. Так, «император романтизма» Новалис писал: «Жизнь есть нечто подобное цветку, звуку и силе. Романтик изучает жизнь так же, как живописец, музыкант и физик изучают цвет, звук и силу. Тщательное изучение жизни образует романтика...»²¹. Особая природа жизни – этого главного для романтиков предмета любви, изучения и изображения – приводила их к признанию музыки наиболее адекватным средством ее выражения: «...музыка выражает бытие самого бытия, жизнь самой жизни» [1: 87]. Еще один (наряду с Новалисом) представитель «иенской школы» немецкого романтизма Фр. Шлегель прочитал в 1828 году в Вене курс лекций, красноречиво озаглавленный «Философия жизни». Здесь он доказывал преимущество непосредственного знания перед теоретическим, говорил о «коренящейся в центре всякого мышления ничтожной идее умерщвления всякой жизни в мертвом понятии и пустой формуле» [8: 346].

Но совершенно особую роль в возникновении культа жизни в русской культуре сыграла философия Шеллинга. Популярный в конце 20-х – начале 30-х годов XIX века критик Н. И. Надеждин так объяснял суть переворота, совершенного немецким мыслителем: «С тех пор философия восприняла жизнь совершенно новую. Она составляется уже не из одних метафизических тонкостей и диалектических сплетений ума, зашедшего за разум, но из светлых и плодотворных разысканий, собирающих раздробленные явления действительности в одно живое, живому духу доступное единство, для уразумения истинного смысла бытия и основного значения жизни»²². И в своей докторской диссертации (1830) Надеждин помещает тезис, которому в России суждено было большое будущее: «...где жизнь, там – поэзия»²³.

Таким образом, можно говорить о своеобразном витализме русской литературы первой половины XIX века. Он проявлялся в особом внимании отечественных писателей к теме жизни, понимаемой и как окружающая действительность, и как начало существования всего в мире, внутренний источник и главная ценность всех действий человека. Происхождение этого концепта связано не только с немецкой литературой и философией рубежа XVIII–XIX столетий, но и со знакомой русским ранее многовековой библейской традицией.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. у Г. Дриша изложение позиции одного из виталистов – Г. Р. Тревирануса: «Жизнь является таким образом началом совершенно чуждым материи...» [3: 109]. Аналогичный тезис находим у Шеллинга: «Жизнь не есть свойство или продукт животной материи, напротив, материя есть продукт жизни» [7: 125].

² Константин Аксаков вспоминает, как он – тогда увлеченный изучением немецкой философии студент – беседовал на эту тему с университетским законоучителем Терновским: «Однажды на репетиции он вызвал меня таким образом и спросил о рае. Отвечая, я сказал о древе жизни и прибавил: “Но ведь это древо надо понимать только как аллегория?” – “Как аллегория?” – сказал Терновский. – Почему вы так думаете?” – “Древо жизни, – отвечал я, – было прообразом Христа”. – Оно было прообразом; но это не значит, что оно не существовало”, – заметил Терновский» (Аксаков К. С. Воспоминания студентства 1832–1835 годов // Московский университет в судьбе русских писателей и журналистов. М., 2005. С. 182).

³ Михельсон А. Д. Объяснение 25000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык, с означением их корней. 1865.

- ⁴ Павленков Ф. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. 1907.
- ⁵ Писемский А. Ф. Масоны // Собр. соч.: В 9 т. М., 1959. Т. 8. С. 23–24.
- ⁶ Фатеев В. А. Жизнь (Живая жизнь) // Розановская энциклопедия. М., 2008. Ст. 1483–1484.
- ⁷ «В основе философской концепции Галича в исходный период его деятельности лежала идея “всеобщей жизни”, как реализация некоего духовного начала» [6: 280].
- ⁸ Словарь языка Пушкина: В 4 т. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1956. Т. 1. А–Ж.
- ⁹ Байрон Дж. Г. Соч.: В 3 т. М., 1974. Т. 2. С. 61.
- ¹⁰ Говоруха-Отрок Ю. Н. Во что веровали русские писатели? Литературная критика и религиозно-философская публицистика. СПб.: Росток, 2012. Т. I. С. 711, 717.
- ¹¹ Там же. С. 499.
- ¹² Григорьева А. Д. Поэтическая фразеология Пушкина // Поэтическая фразеология Пушкина. М., 1969. С. 160. См. об этом также: Бочаров С. Г. Праздник жизни и путь жизни. Сотый май и тридцать лет. Кубок жизни и клейкие листочки // Бочаров С. Г. Сюжеты русской литературы. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 223.
- ¹³ Карамзин Н. М. Полн. собр. стихотворений. Л., 1966. С. 286.
- ¹⁴ Карамзин Н. М. История государства Российского. Предисловие. С. XIII.
- ¹⁵ Хомяков А. С. Стихотворения и драмы. Л.: Сов. писатель, 1969. С. 112.
- ¹⁶ Гете, Иоганн Вольфганг. Собр. соч.: В 10 т. Т. 1. Стихотворения. М.: Худож. лит., 1975. С. 91–92. В дальнейшем страницы этого издания указываются после цитаты в скобках.
- ¹⁷ Говоруха-Отрок Ю. Н. Указ. изд. С. 511–512.
- ¹⁸ Слово «жизнь» встречается в произведениях Лермонтова 647 раз (у Пушкина – 603) и занимает в тысяче самых частых слов поэта высокое 65-е место (Лермонтовская энциклопедия. М.: Сов. энциклопедия, 1981. С. 647, 763).
- ¹⁹ Белинский В. Г. Собр. соч.: В 9 т. М., 1978. Т. 3. С. 146.
- ²⁰ Лермонтов М. Ю. Полн. собр. соч.: Л.: Худож. лит., 1940. Т. 4. С. 360.
- ²¹ Новалис. Фрагменты // Литературная теория немецкого романтизма. Л., 1934. С. 126.
- ²² Надеждин Н. И. Современное направление просвещения // Телескоп. 1831. № 1. С. 19.
- ²³ Надеждин Н. И. Литературная критика. Эстетика. М., 1972. С. 252.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Берковский Н. Я. Романтизм в Германии. Л.: Худож. лит., 1973. 568 с.
2. Григорьева А. Д. Поэтическая фразеология Пушкина // Поэтическая фразеология Пушкина. М., 1969. С. 5–292.
3. Дриш Ганс, проф. Витализм. Его история и система / Авториз. пер. А. Г. Гурвича. М.: Книгоизд-во «Наука», 1915. 279 с.
4. Комарович В. Л. Роман Достоевского «Подросток» как художественное единство // Ф. М. Достоевский. Статьи и материалы. Сб. II / Под ред. А. С. Долинина. Л.; М.: Мысль, 1924. С. 31–68.
5. Риккерт Генрих. Философия жизни: Изложение и критика модных течений философии нашего времени / Пер. Е. С. Берловича и И. Я. Колубовского. Пб.: Academia, 1922. 167 с.
6. Философия Шеллинга в России. СПб.: Изд-во Русского Христианского ин-та, 1998. 528 с.
7. Шеллинг Ф. В. Й. Соч.: В 2 т. Т. I. М., 1987. 637 с.
8. Шлегель Фр. Эстетика, философия, критика: В 2 т. Т. 2. М., 1983. 448 с.

Kunil'skiy A. E., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

SOURCES OF 'VITALISM' IN RUSSIAN LITERATURE OF THE FIRST HALF OF THE XIXTH CENTURY

The main sources and the meaning of the literary phenomenon “vitalis”, which implies a special role of the theme of life in the works of Russian writers, are discussed in the article. In this context, the paper analyses connections of the Russian literature of the beginning of the 19th century with German culture and its Biblical traditions.

Key words: Russian literature of the first half of the 19th century, theme of life, vitalism, ‘vital life’

REFERENCES

1. Berkovskiy N. Ya. *Romantizm v Germanii* [Romanticism in Germany]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1973. 568 p.
2. Grigor'eva A. D. Poetic Phraseology of Puskin [Poeticheskaya frazeologiya Pushkina]. *Poeticheskaya frazeologiya Pushkina*. Moscow, 1969. P. 5–292.
3. Drish Gans, prof. *Vitalizm: Ego istoriya i sistema* [Vitalism: Its History and System]. Moscow, Nauka Publ., 1915. 279 p.
4. Komarovich V. L. Dostoevsky's Novel “Podrostok” as Artistic Unity [Roman Dostoevskogo “Podrostok” kak khudozhestvennoe edinstvo]. *Dostoevskiy: Stat'i i materialy. Sb. II. Pod red. A. S. Dolinina* [Dostoevsky: Articles and Materials. Col. I. Ed. A. S. Dolinin]. Leningrad, Moscow, Mysl' Publ., 1924. P. 31–68.
5. Rikkert Genrikh. *Filosofiya zhizni: Izlozhenie i kritika modnykh techeniy filosofii nashego vremeni* [Philosophy of Life: Presentation and Critique of Fashionable Currents of Modern Philosophy]. Petersburg, Academia Publ., 1922. 167 p.
6. *Filosofiya Schellinga v Rossii* [Schelling's Philosophy in Russia]. St. Petersburg, 1998. 528 p.
7. Shelling F. V. Y. *Sochineniya: V 2 t. T. I* [Works: In 2 vol. Vol. I]. Moscow, 1987. 637 p.
8. Shlegel Fr. *Estetika, filosofiya, kritika: V 2 t. T. 2* [Aesthetics, Philosophy, Criticism: In 2 vol. Vol. 2]. Moscow, 1983. 448 p.

Поступила в редакцию 18.08.2016